

УДК 82.09:821.161.2

“АЛ-МАМУН” Н. ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ОРИЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Г.Д. Данильченко

Рассматривается позиция Н. Гоголя на культурное взаимодействие Запада и Востока, переданное через его описание истории правления Ал-Мамуна.

Ключевые слова: Н. Гоголь; “Ал-Мамун”; ориентальный; историческая характеристика.

В начале 1833 года Гоголь серьезно увлекся историей. В сферу его исторических интересов входили не только Украина и Россия, но также Запад и Восток. Сборник “Арабески” (1835) явился собранием разножанровых произведений писателя, пестрых, как восточная мозаика. В составе сборника обращает на себя внимание небольшое сочинение под названием “Ал-Мамун”, представляющее собой краткую характеристику правления арабского калифа, сына известного Гаруна-аль-Рашида, с именем которого Гоголь связывает закат, а затем и гибель арабской цивилизации. Само имя Ал-Мамуна, просветителя и покровителя изящных искусств, должно было остаться в благодарной памяти потомков, но Гоголь показывает, как образованность правителя и просвещение его народа оказывают негативное влияние на судьбу государства.

“Ал-Мамун” Гоголь назвал “исторической характеристикой”, интерес к истории появился далеко не случайно: в период создания произведения Гоголь преподавал историю в Патриотическом институте и занимал должность адъюнкт-профессора всеобщей истории в Петербургском университете. “Ал-Мамун” отражает особенности стиля и таланта Гоголя-художника, это законченное литературное сочинение, что дает основание рассматривать “историческую характеристику” в контексте русской ориентальной литературы XIX века.

Ал-Мамун (Могаммед-Абен-Амер) – седьмой калиф из династии Аббасидов, сын Гаруна-аль-Рашида. Вступив на престол (годы его правления – 813–833), он сделал Багдад культурной столицей, где были сосредоточены все известные памятники культуры Запада и Востока. Правитель пригласил ко двору со всех частей света

ученых мужей, которые распространяли плоды своих культур на его империю.

Имя Ал-Мамуна русскому читателю было известно, так как журналы периодически знакомили свою аудиторию с новейшими достижениями в области ориенталистики, и арабская культура была в них представлена достаточно широко. Так, журнал “Вестник Европы” постоянно размещал материалы по изящным искусствам, наукам и литературе. В статье “О литературе арабов” Симонда де Сисмонди (1818 год) Ал-Мамун назван истинным покровителем арабской словесности: “Литераторы сделали его любимцами; министры его занимались только успехами литературы, и, можно сказать, для одних муз воздвигнут был престол калифов. Переводчики переводили на арабский язык все, что могло расширить круг народного просвещения. Нация показывала успехи в науке, соразмерные пламенной ревности к ним своего монарха. Везде, во всех городах, возносились школы, коллегии, академии, и из всех сих заведений выходили ученые люди” (“Вестник Европы”, 1818, ч.102, № 23, с. 182–183).

Статья эта была в октябре 1834 г. прочитана Н. Гоголем перед университетской аудиторией, и ее слушали приглашенные писателем А. Пушкин и В. Жуковский (“Отечественные записки”, 1853, № 2, с. 120).

Ориентальная литература, в контексте которой нами рассматривается гоголевская статья, представляет собой значительный пласт русской литературы первой трети XIX века. В него входят поэмы Пушкина на восточные темы, восточные повести Сенковского и Марлинского, литература путешествий, а также многочисленные переводы ориентальных произведений, которые стано-

вились фактом русской литературы как только начинали существовать на русском языке.

В осмыслении темы Востока русская литература прошла несколько этапов, каждый из которых был своеобразен. Так, одним из этапов в развитии русской ориентальной литературы был просветительский. Размышления о современной жизни, раздумья о назначении великих людей в истории своего народа привлекали русских писателей к творческому осмыслению религиозных памятников Древнего Востока, служили важным стимулом для осуществления поэтических аналогий всемирной истории с историей русской нации. И русские писатели активно использовали восточные аналогии в просветительских целях. Перевод арабских сказок “Тысяча и одна ночь” с французского языка в 1763 году способствовал появлению в русской литературе целого ряда “восточных” развлекательных повестей: “Медный город”, “Забавные наставления Горамы, сына Асмарова”, “Прогулка шаха Аббаса”, “Сизим, великий султан” и других. В основном они печатались анонимно и пользовались широкой популярностью у читательской публики того времени.

Восточные аксессуары и мотивы наполняли просветительскую литературу. Был определен круг образов, характерных для русской “восточной” повести: скучающий “от веселостей” государь, справедливый визирь, корыстный муфтий или кадий, дервиши и др. Идея Востока оказалась чрезвычайно плодотворной для русского романтизма начала XIX века. Нравы и вкусы восточных народов, отличные от европейских, давали богатую пищу писателям, ищущим необыкновенного в разных сферах жизни народов мира. Понятия о прекрасном и безобразном, о нравственном и безнравственном, добродетельном и корыстном были различны у народов Запада и Востока, что создавало благоприятные условия не столько для взаимодействия культур, сколько для их взаимоотрицания.

В начале XIX в. интерес к Востоку в России усиливается. Уставом 1804 г. в российских университетах вводилось преподавание восточных языков – арабского и персидского. В Московском университете с 1811 года начинает преподавать восточные языки А.В. Болдырев – ученик французского ориенталиста А.И. Сильвестра де Сасси. А.В. Болдыреву принадлежат первые переводы с арабского и персидского языков и издание первых в России сборников литературных произведений, созданных на этих языках (например, “Шах-Наме” Фирдоуси).

Оригинальные восточные рукописи, великие творения Фирдоуси и Саади, Джами и Ру-

даки, списки знаменитых арабских муаллакат и многое другое тщательно изучались русскими ориенталистами. Их изучение способствовало развитию русского востоковедения и значительно обогащало русскую литературу переводами оригинальных восточных произведений. Начинается новый этап в развитии русской ориентальной литературы – романтический.

Усиленно изучаются в России памятники домусульманской эпохи аравитян. В 1818 году “Вестник Европы” опубликовал исследование французского ориенталиста Симонда де Сисмонди “О литературе арабов”, а через несколько лет появляется обстоятельное сочинение О.И. Сенковского “Поэзия пустыни, или поэзия аравитян до Магомета” (1839) [1]¹, основанное на глубоком знании народных обычаев и детально исследующее подлинники арабской поэзии, хранящиеся в Азиатском музее. Арабист О.И. Сенковский приходит к выводу о том, что свободное поэтическое творчество арабских бедуинов было задушено наступлением исламской веры в Аравии. Он приводит интересный пример с поэтом Сухеймой, которого халиф Омар лишил пенсии в наказание за то, что тот в стихах “Седые волосы и исламизм отвлекли меня от любви” прежде “исламизма” поставил слово “волосы”.

Существование ценных научных трудов по ориенталистике на русском языке было призвано обратить внимание европейской научной мысли к России, возбудить интерес к Востоку прежде всего в самом Русском государстве, среди русских читателей. Русские ориенталисты способствовали пробуждению интереса к литературно-художественным памятникам Востока. Так, арабские муаллы (касыды) кроме О.И. Сенковского переводили П. Петров, Н. Коноплев, А. Болдырев. Благодаря старанию русских ориенталистов читатели познакомились с создателями всех семи образцовых муаллакат, вывешенных на стенах Каабы [2]², и сами смогли судить о достоинствах муаллак

¹ Исследованию арабских муаллакат было посвящено немало работ. Некоторые из них были опубликованы в русских журналах. См.: “Вестник Европы”, 1818, ч.102, № 23, с. 175-216; “Московский телеграф”, 1831, ч. 41, с. 349-377, 509-530; ч. 42. – с. 81-102; “Библиотека для чтения”, 1855, т. 133, с. 43-90.

² Востоковед П. Петров в “Речи, произнесенной на торжественном собрании Императорского государственного университета 12 января 1862 г.” сказал, что лучшие муаллаки или касыды (поэмы) были удостоены чести быть вывешенными в храме Каабы вместе со стихами из Корана.

поэтов Амриалкиса, Тарафы, Зогаира, Антара, Амру, Гарефа, Лебида. "Московский телеграф" сообщал по этому поводу следующее: "Таковы сии моаллаки, сии семь звезд аравийской поэзии. Наше описание и выписки, конечно, могут дать только отдаленное, слабое понятие о сих неподражаемых творениях, но мы полагаем, что и сего достаточно для проницательности читателей наших. И это все суть только бедные остатки обширного поэтического мира, остатки, спасенные памятью в крушении веков. Каково же было вполне яркое светило духа человеческого, говорившее в душах аравиян!" ("Московский телеграф", 1831, ч. 42, с. 97).

Издание восточных произведений в подлинниках, с комментариями и переводами как отдельных частей, так и всего текста в целом, было делом важным и нужным. Журнал "Московский телеграф" писал следующее: "Восток – колыбель и философии и мифологии европейской – должен обратить на себя особое внимание. В самом деле, никогда не было такого сильного, как ныне, такого деятельного занятия восточными языками, восточную литературу и древностями" ("Московский телеграф", 1838, ч. 6, с. 76). Исследование восточных языков способствовало появлению переводов литературных произведений: "Перевод, – писал Н.И. Конрад, – по необходимости создает вполне определенный новый языковой облик переводимого произведения, и в этом виде произведение начинает существовать для данного народа" [3, 321].

К середине XIX века в русской литературе функционировал перевод с оригинала арабских сказок "Тысяча и одна ночь", осуществленный О.И. Сенковским. Высокую оценку этому переводу дал В.Г. Белинский, который главным достоинством перевода О.И. Сенковского считал "полнейшее сохранение духа магометанских народов". Использование фольклора народов Востока позволило русским романтикам близко соприкоснуться с духовным миром восточных народов и значительно обогатило русскую литературу. Достаточно вспомнить судьбу широко известного во всем мире предания о любви крымского хана Гирея к пленнице-полячке Марии Потоцкой, легенды, которая легла в основу повести "Конец Ширванского царства" О.И. Сенковского, "Путешествие по Тавриде" И.М. Муравьева-Апостола, очерка "Дворец крымских ханов в Бахчисарае" Ф.И. Домбровского и поэмы "Бахчисарайский фонтан" А.С. Пушкина. Русские писатели не только представляли это предание своим читателям, но и стремились постичь самую суть взаимоотношений между людьми

западной и восточной цивилизаций. В разных литературных жанрах эта любовная история излагалась с различной степенью достоверности. Если у Пушкина и Сенковского она составляет основную сюжетную канву художественного произведения, то в очерке Домбровского и путевых заметках Муравьева-Апостола некоторые моменты этого предания подвергаются сомнению или даже оспариваются. Для Сенковского одной из причин гибели Ширванского царства является появление в гареме восточного владыки польской пленницы Марианны, в которую влюбляется шах Халеф. Конец Ширванского царства ускоряет европейский ученый-алхимик Джон Ди своими манипуляциями с лицом шаха. Таким образом Сенковский пародирует версию о гибели восточных государств, в которые проникают западные влияния.

В первом номере пушкинского "Современника" была опубликована повесть Султан Казы-Гирея "Долина Ажитугай". Публикация произведения Султан Казы-Гирея, "сына Кавказа", на русском языке явилась примечательным фактом для всей русской литературы. Пушкин написал предисловие к повести Султан Казы-Гирея: "Вот явление неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей. Черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели изменить в предложенном отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок Крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце, как, наконец, магометанин с глубокой думой смотрит на крест, эту хоругвь Европы и просвещения" ("Современник", 1836, № 1, с. 155).

В 1838 г. только в одной книжке журнала "Современник" появился целый ряд поэтических восточных преданий: "О горе Аргамышь", "О девице и чабане, осажденных в крепости", "О душистой мечети", "О Карасубазарской пещере", "О кирк-азизе", "Татарский миф о Фортуне".

Эти сказания обогащали знания русского читателя о Востоке, но на этом их эстетическая ценность не исчерпывалась. Вплетенные в сюжетную канву произведений русских авторов о Востоке, они помогли более полному и глубокому восприятию инонациональной жизни, воссоздавая ее колорит.

В контексте этой литературы и появляется "историческая характеристика" Гоголя, которая

отражает его отношение к Востоку. Гоголь высоко ценил культурную деятельность арабских халифов, особенно Гаруна-аль-Рашида, который расширил не только географические границы халифата, но и развил систему образования, “создавал водопроводы, дворцы, целые леса пальм, где сладострастно били фонтаны и дымились благовония Востока. И к такому развитию роскоши еще не успела привиться ни одна нравственная болезнь политического общества” [4, 84]. Гарун был пленен греческой культурой и греческими философами, учение которых было с восторгом воспринято в халифате. “Просвещение чужеземное он прививал к своей нации в такой только степени, чтобы помочь развитию ее собственного” [Там же].

“Воспитанный под их влиянием Ал-Мамун, исполненный истинной жажды просвещения, употреблял все старания ввести в свое государство этот чуждый доколе греческий мир. Багдад распростер дружелюбные длани всему ученому тогдашнему свету. Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежал к какому бы то ни было званию, какой бы ни был он религии, каких бы ни был исполнен противоречащих начал” [4, 85].

Но если Гарун просвещение чужеземное прививал к своей нации только в такой степени, чтобы помочь развитию ее собственного, то Ал-Мамун Гоголь обвиняет в чрезмерном увлечении западной культурой, столь чуждой арабской душе, что эти влияния вызвали протест у соплеменников халифа и послужили причиной угасания арабской культуры. “Благородный Ал-Мамун истинно желал сделать счастливыми своих подданных, Он знал, что верный путеводитель к тому – науки, клонящиеся к развитию человека. Он всеми силами заставлял своих подданных принимать вводимое им просвещение. Но просвещение, вводимое Ал-Мамуном, менее всего отвечало природным элементам и колоссальности воображения арабов” [4, 86]. “Полугреческий образ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слепого энтузиазма его подданных” [4, 88].

Характеристика арабского калифа Ал-Мамуна и его царствования служит в статье лишь иллюстрацией для идей, имеющих более широкий смысл, – о вреде, который приносит правитель, не знающий условий жизни и нужд своего народа, а также о вреде наносной, космополитической культуры, оторванной от национальной жизни. Эти идеи статьи, непосредственно связанные с вопросами русской общественной жизни, отражают прогрессивные общественно-политические

взгляды молодого Гоголя. Задумав первоначально изложить идею о значении “национальных стихий” в жизни народа и государства в особой теоретической статье, Гоголь затем мог отказаться от этого намерения и облечь свою мысль в более близкую ему как художнику и более зашифрованную в цензурном отношении форму – “историческую характеристику”.

Позиция Гоголя на культурное взаимодействие Запада и Востока, отраженная в истории Ал-Мамуна и его государства, свидетельствует о том, что писатель весьма осторожно относился к результатам этого культурного взаимодействия. Для Гоголя важнее чужого просвещения была истинная любовь к народным основаниям культуры. Когда культуру чуждого народа пытаются навязать завоеватели, то в народе рождаются герои, подобные Тарасу Бульбе, патриоты своей Родины, своего языка, своей культуры. Но если чужеземные влияния принимаются благодаря государям, то последние, подобно Ал-Мамуну, умирают не понятые своим народом и не понявшими свой народ: “...рассыпая одною рукою благоденствия и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорных, испуганных своих подданных, умер благородный Ал-Мамун, – умер, не поняв своего народа, не понятый своим народом. Во всяком случае, он дал поучительный урок. Он показал собою государя, который при всем желании блага, при всей кротости сердца, при самоотвержении и необыкновенной страсти к наукам был, между прочим, невольной одною из главных причин, ускоривших падение государства” [4, 8–90].

Судьба Гоголя удивительно повторила судьбу гоголевского Ал-Мамуна. 200 лет прошло со дня рождения Гоголя, и в самостийной Украине известные литературоведы упрекают Гоголя в отрыве от своей народной культуры, в чрезмерном увлечении русской культурой, которая погубила в нем великого украинского писателя. “Русский язык для Николая Гоголя стал средством приспособления и самоутверждения в Петербурге, а украинская тематика, такая экзотическая, поэтическая, мифологическая, воссозданная русским языком, проведет его, словно жениха по вышитому рушнику, в храм русской словесности” [5].

Литература

1. Сенковский О.И. Собр. соч.: В 9 т. – Л.: СПб, 1858-1859. – Т.7. – С.165–201.
2. Петров П. Об арабском языке и литературе. – М., 1862.

Н. Дегтярик, Я. Дегтярик. Перевод “Мертвых душ” Н.В. Гоголя на язык иллюстрации

3. *Конрад Н.И.* Запад и Восток. Статьи. – М.: Наука, 1972.
4. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. В.Р. Щербины. – М.: Правда, 1984.

5. *Жулинский Н.* Две половинки украинского сердца: Шевченко и Гоголь / <http://www.rusk.ru/st.php?idar=1001608>